

АРМИЯ МИРА

— Зря стараетесь, господа! Мы его в обиду не дадим!

К Р О К О Д И Л

№ 5 МОСКВА 20 ФЕВРАЛЯ 1951

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

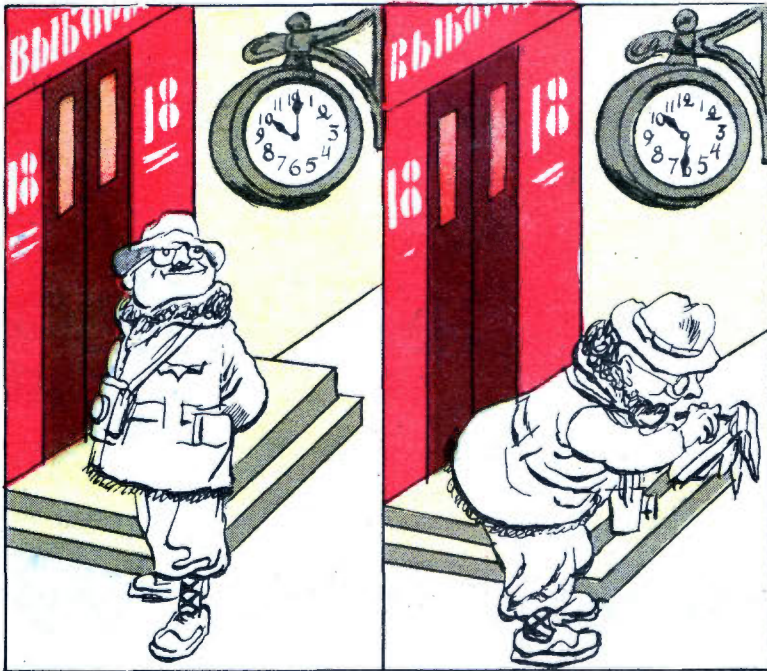
ГОД ИЗДАНИЯ XXX

ЦЕНА НОМЕРА — 1 р. 20 к.

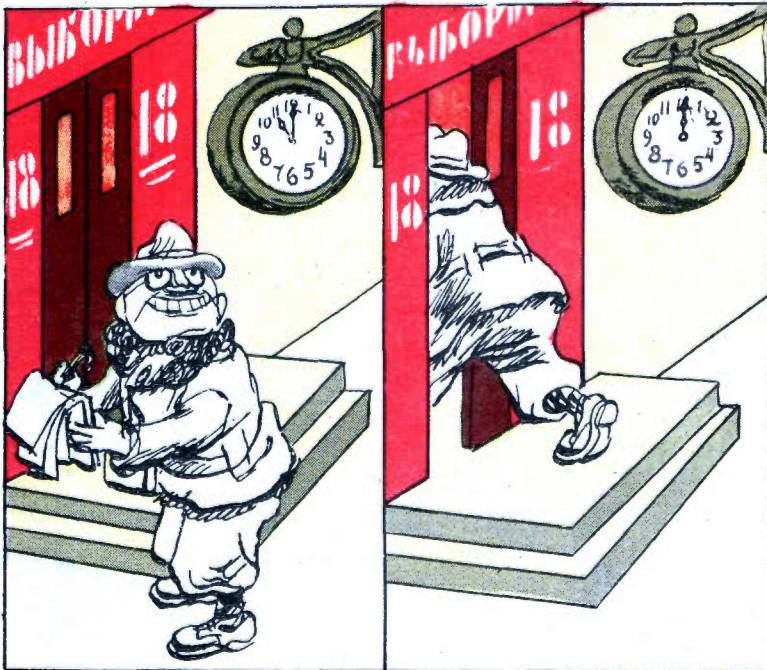
СЛУЧАЙ С ХЕРСТОВСКИМ ЖУРНАЛИСТОМ

Рис. М. ЧЕРЕМНЫХ

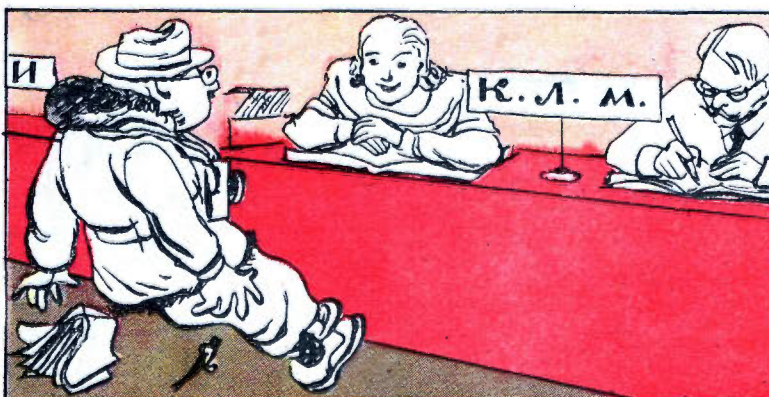
— Уже десять часов утра, а ни одного избирателя!.. Так и запишем!..

— Десять тридцаты!.. Никого!.. Запишем, запишем!..

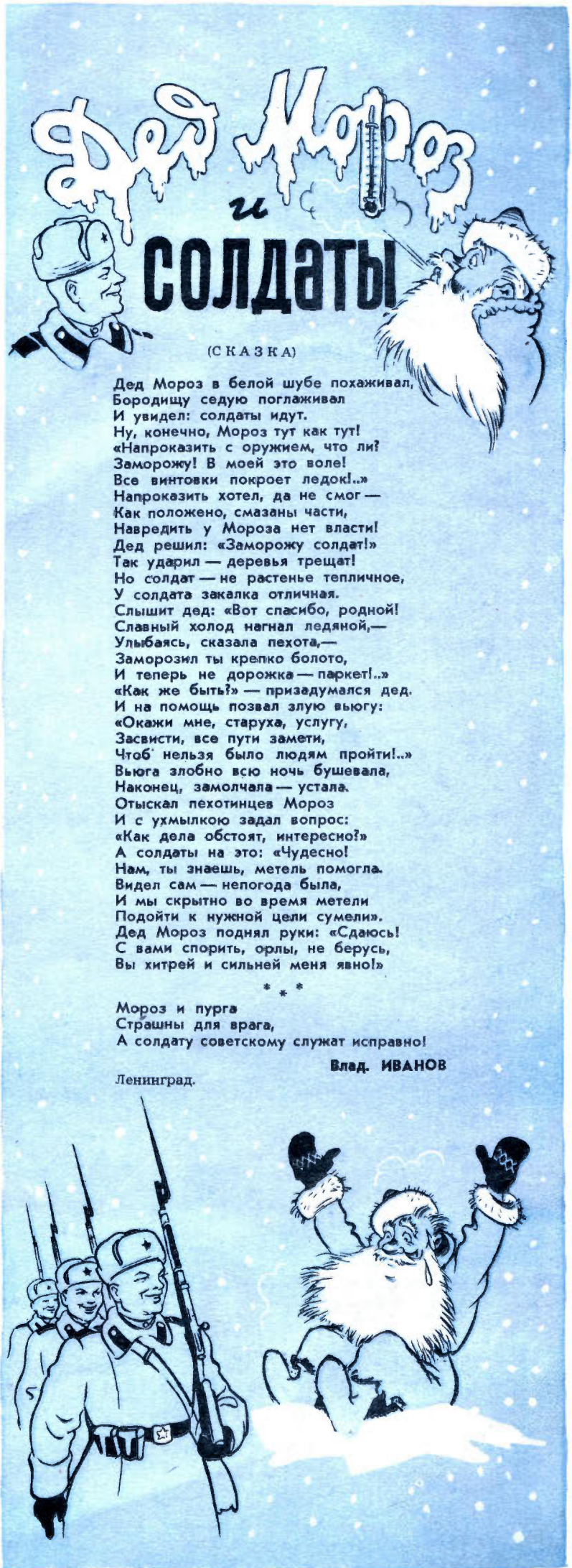

— Ого, одиннадцать часов, и попрежнему пусто!..

— Пойду для формальности проинтервьюирую председателя комиссии и передам корреспонденцию «Избиратели не желают голосовать!..»

— Чем вы объясните, что до сих пор никто не пришёл опустить свои бюллетени!
— Тем, что на нашем избирательном участке все проголосовали к девяти часам утра.

Дед Мороз и солдаты

(СКАЗКА)

Дед Мороз в белой шубе похаживал,
Бородищу седую поглаживал
И увидел: солдаты идут.
Ну, конечно, Мороз тут как тут!
«Напроказить с оружием, что ли?
Заморожу! В моей это воле!
Все винтовки покроет ледок!..»
Напроказить хотел, да не смог —
Как положено, смазаны части,
Навредить у Мороза нет власти!
Дед решил: «Заморожу солдат!»
Так ударил — деревья трещат!
Но солдат — не растение тепличное,
У солдата закалка отличная.
Слышит дед: «Вот спасибо, родной!
Славный холод нагнал ледяной,—
Улыбаясь, сказала пехота,—
Заморозил ты крепко болото,
И теперь не дорожка — паркет!..»
«Как же быть?» — призадумался дед.
И на помощь позвал злую выюгу:
«Окажи мне, старуха, услугу,
Засвищи, все пути замети,
Чтоб нельзя было людям пройти!..»
Выюга злобно всю ночь бушевала,
Наконец, замолчала — устала.
Отыскал пехотинцев Мороз
И с ухмылкой задал вопрос:
«Как дела обстоят, интересно?»
А солдаты на это: «Чудесно!
Нам, ты знаешь, метель помогла.
Видел сам — непогода была,
И мы скрытно во время метели
Подойти к нужной цели сумели.
Дед Мороз поднял руки: «Сдаюсь!
С вами спорить, орлы, не берусь,
Вы хитрей и сильнее меня явно!»

Мороз и пурга
Страшны для врага,
А солдату советскому служат исправно!

Влад. ИВАНОВ

Ленинград.

Рассказ земляка

(БЫЛБ)

НАРОД в нашем вагоне собрался бывалый, за словом, как говорится, в карман не полезет. Недостатка в рассказчиках не было. Тем более, что за войну каждый испытал многое.

Слово за слово, подошли к теме о солдатском страхе. Ну, тут, разумеется, всякий стал высказывать свою точку зрения на этот предмет, приводить разные случаи из своей жизни. Молчаливее всех оказался пассажир в шинели без погон. Он скромно сидел в уголке, смотрел в окно вагона и курил свою бесконечную самокрутку. Время от времени молчаливый пассажир вставлял какую-нибудь фразу в общий разговор, но произносил он эту фразу нерешительно и, казалось, даже как-то боязливо.

— Ну, браток, теперь твоя очередь рассказать честной компании самое страшное, что ты пережил за войну.

С этими словами обратился к молчаливому соседу моряк, завела нашей беседы.

Человек в шинели потянул самокрутку и, виновато улыбаясь, сказал:

— Да, что же, я, собственно... Я ничего такого интересного не знаю.

— А вот, ей-ей, браток, не верю!—воскликнул моряк.— Не может того быть, чтобы человек не испытал когда-нибудь страха, особенно на войне. Давай, давай, браток, шевели памятью, не стесняйся!

— Нет, серьёзно, ничего такого не припомню... Вот разве рассказать вам историю, которая с моим земляком-односельчанином произошла.

— А ну давай про земляка, нам всё равно.

* * *

— Мой земляк и сосед Иван Петрович Губанов до войны, значит, был обыкновенным колхозником. Мы, стало быть, с ним из села Подгорного, Воронежской области. Так вот, до войны Иван Петрович был рядовым колхозником. А в войну он служил рядовым пехотинцем и состоял связным при командире роты. Ну и я в этой роте с ним, почитай, два года вместе воевал. И случилось нашей роте под Керчью в жарком деле быть. Позвал командир роты связного Губанова к себе и приказал:

— Иди, товарищ Губанов, и объяви приказ: отходить на заранее подготовленные позиции.

Объявил Губанов этот приказ взводным командирам, а сам задержался с теми, кто прикрывал отступление. Сидит в окопике, стреляет. Только вдруг слышит, странное гудение в небе происходит. Глянул, а над ним воздушный бой разгорелся: шесть «мессеров» на один наш самолёт напали. «Эх,— думает,— погиб, бедняга!» Потом, смотрит, один «мессер» задымил, вспыхнул—и кувырк. Погода с другим такая же история. Губанов от радости закричал:

— Так их, подлецов, так их! А ну ещё!

И верно, смотрит, третий «мессер» в куски разлетелся. «Вот это,— думает,— орлы, вот это герои на самолёте орудут!»

Только он это подумал, как видит, что самолёт неровно и круто пошёл вниз— всё-таки подбили.

Самолёт упал на ничейной земле, между нашими и немецкими окопами. Видит Губанов, из фюзеляжа вылезли двое лётчиков. «Надо,— думает,— помочь героям». Оглянулся, а наших уже никого, все, значит, отошли согласно приказу. «Вот,— думает,— штука какая неприятная получается. Что же делать? Прямо невыносимо таких героев одних в беде оставлять. Эх, была не была!» Пополз он к самолёту. Приполз. Спрашивает лётчиков:

— Живы, товарищи?

Один отвечает:

— Живы приблизительно.

— Тогда ползите за мной.

— Спасибо, родной, но не выйдете: не выдержим— сил не хватит. Да и ты напрасно погибнешь, давай-ка торопись отсюда: видишь, немцы подбираются. Эх, жаль, оружия настоящего нет! А ты, коли хочешь помочь нам, так возьми вот эту сумку с документами и передай своему командиру, а он поймёт, что надо сделать.

— Да не могу я вас оставить фашистам! Давайте ползите, сколь можете, а я немцев своим автоматом задержу, ваш отход прикрывать буду.

Поползли лётчики. Губанов отстреливается: подпустит немцев поближе да как очередь прыснет! Подпустит да как прыснет!.. Смотрит, уж перелесок недалеко, а за перелеском должны наши быть. И тут— надо же!— у него патроны кончились. Вот беда! «Ну,— говорит,— товарищи лётчики, наберитесь сил— и за перелесок, а я гранатами буду орудовать». А и гранат-то всего две! Лётчик говорит:

— Что ты, что ты, да разве мы теперь тебя оставим, уж лучше умрём вместе, по-братски!

Тут он строгим голосом:

— Приказываю ползти за перелесок! Ну!

В это время моего земляка ранило. И видит он перед собой троих гитлеровцев близёхонько, во весь рост прямо на него идут. Пересилила боль, с трудом вставил в гранату запал, выдернул

кольцо, бросил: граната упала совсем близко. Обожгло лицо, осколок впился в руку. Берёт вторую гранату... И тут уж он потерял сознание.

Рассказчик замолчал и задумался, пытаясь что-то вспомнить. — Да, действительно, страшное дело,— заметил один из слушателей.

— Нет, это ещё не самое страшное... Долго он лежал без памяти. А когда пришёл в себя, почувствовал на себе холодную тяжесть—на нём лежал мёртвый немец. Освободился он из-под него... Не буду рассказывать, с каким великим трудом он пробрался к своим. Словом, разыскал свою роту только на третий день. Вошёл в землянку к командиру и, собрав последние силы, встал «смирно»:

— Разрешите доложить?

Командир чуть улыбнулся, но сделал строгое лицо и говорит: — Так, значит жив? Значит правду говорят, что ты дезертировал во время отступления. Ну что же, придётся тебя судить солдатским судом, как изменника.

Если бы Губанов заметил улыбку и увидел на столе у капитана ту самую сумку, которую так берегли лётчики, он бы понял, что командир шутит, поугагать хочет, потому как не знал, что Губанов в таком плохом состоянии.

А Губанов принял эту неосторожную шутку всерьёз и только он хотел всё, как было, объяснить, как потерял сознание.

Вторично смерти в глаза пришлось смотреть. Ещё бы,— сказал кто-то.— Это, конечно, настоящий страх.

Очнулся он в госпитале в тылу. Потом выздоровел и попал в другую часть. Затем его опять в бою ранило. Снова госпиталь, и опять новая часть. И вот после третьего ранения дали ему отпуск. А из дому уж больше года никакой весточки не получал. Но всё же дал телеграмму и поехал. А надо сказать, что уж очень он переживал и терзался тем, что не смог тогда со своим командиром объясниться.

И вот, братцы, выходит он из вагона и не узнаёт своей станции— всё разбито. Глядит по сторонам—одни развалины. Вдруг подходят к нему два милиционера. Один спрашивает:

— Не вы ли Иван Петрович Губанов будете?

— Я,— говорит,— и есть он самый, а в чём дело?

— Здравия желаем, с праздником! Приказано вас сопроводить.

— Куда сопроводить?

— Известное дело, в район, там заседать будете.

«Ну,— думает,— ясно, что значит «заседать». Значит, думает, командир роты не забыл про него и послал розыскную. «И явлюсь,— думает,— домой я не солдатом, а изменником Родины».

Вот, товарищи, эти минуты и были в его жизни самые страшные. Да оно и понятно: в родное село явиться в виде изменника Родины!.. Да-а-а!

Сел он в сани сам не свой. А милиционеры по бокам. Едут. Один милиционер говорит:

— Значит, отвоевался, товарищ Губанов!

А в голосе у него такая ирония Губанову слышится. И обида комок в горле встала. И опять же злость на такое недоразумение. И как крикнет он:

— Товарищи милиционеры, как бы там ни было, а прошу хоть ради великого праздника не издеваться! Я не изменник и не дезертир, товарищи! Я...

Ну и начал он им всё по порядку рассказывать. Они слушали, слушали, а потом один и говорит:

— Да вы заблуждаетесь, Иван Петрович, товарищ Губанов! Мы вас и не собирались арестовывать. Мы к вам вроде почётной охраны приставлены. Дело ночное, тёмное, ну и обязаны мы вас доставить в район в полной сохранности на торжественное заседание по случаю годовщины Красной Армии.

Оказывается, братцы мои, ему уж полгода назад присвоено было звание Героя Советского Союза. А все бумаги и документы были посланы по домашнему адресу, так как сам он в войне затерялся. Оказывается, лётчиков-то он не простых спас—они очень важное задание командования выполняли. Вот ведь как бывает.

* * *

Поезд подошёл к Воронежу. Оказалось, что спутник, рассказавший историю о своём земляке, тоже, как и я, приехал в областную военкомат.

Пришли мы с ним туда вместе. Подходим к дежурному. Подаём военные билеты. Дежурный посмотрел военный билет моего спутника и вдруг быстро вскочил, вытянулся в струнку и громко, на всю приёмную:

— Здравия желаю, товарищ Губанов! Вас военный комиссар уже ждёт!

Я лукаво посмотрел на своего спутника и спросил:

— Иван Петрович, разрешите мне при случае ваш рассказ опубликовать?

— Ну что же,— сказал Иван Петрович, застенчиво улыбаясь,— если это нужно и пользу принесёт, пожалуйста, я не возражаю.

Д. БЕЛЯЕВ

— Я смотрю, в вашем районе все колхозы — миллионеры!
 — Ещё бы! Ведь у нас что ни колхозник, то золотые руки!

Дмитро БЕЛОУС

Вспоминка

Посвящается Герою Социалистического Труда Евдокии Дихтяр

Как-то прибыл из столицы
 На поля корреспондент
 И спросил у молодежи:
 — Есть Дихтяр тут или нет?

— А вы сами кто такие?
 — Из редакции.

— Так вот,
 Нынче наша Евдокия
 Отстранилась от работ.

У неё — слышали? — орден
 Со Звездой Золотой.
 Вот Дихтяр и стала гордой
 И на поле — ни ногой!

И в ответ на эти речи
 Зазвенел девичий смех.
 Удивляется газетчик,
 Смотрит искоса на всех.

На машину молодлица
 Нагружает урожай.

Ты гляди, как говорится,
 Да работать не мешай!

Грузит ловко, грузит скоро,—
 Работящая, видать!..
 А под вечер у конторы —
 С гостем встретилась опять.

— Я шутила поневоле,
 Не сердитесь на меня.
 Занята была я в поле...
 Евдокия — это я.

На работе не до встречи,
 Время, знаете, горит!..
 Улыбается газетчик.
 — Что ж, бывает,— говорит.

Перевёл с украинского
 Бор. ПАЛИЧУК

КОЧЕВАЯ ЖИЗНЬ

Районный центр Билярск (Татарская АССР) совсем невелик. За каких-нибудь два часа его можно пройти вдоль и поперёк. Но очень трудно в Билярске найти райком ВЛКСМ. Приезжающие из района комсомольские работники тратят на его поиски по несколько часов, но безуспешно. В сентябре 1949 года райком помещался в... парикмахерской. Через некоторое время он переехал в новое помещение, а именно, на частную квартиру. Затем РК ВЛКСМ помещался в нижнем этаже райкома ВКП(б), вслед за этим переселился в контору райпищекомбината, потом в помещение райкоммунхоза, в читальный зал районного дома культуры. Сейчас он квартирует в шестиметровой комнате. Здесь помещается весь штат билярской комсомольской организации. В исполкоме райсовета очень хорошо знают, что РК ВЛКСМ ведёт кочевой образ жизни. Больше того: в исполкоме постоянно обещают подыскать площадь. А пока исполком Билярского райсовета найдёт наконец площадь, придётся выделить небольшое место в Крокодиле, чтобы осветить отношение райисполкома к молодежи.

ОПАСНАЯ ПЕРЕГРУЗКА

Гражданка А. Е. Старосоцкой, проживающей в городе Городке, Витебской области, очень не повезло: на её жизненном пути неодолимым препятствием встал заведующий Горещим (Могилёвской области) городским бюро загса. Дело в том, что тов. Старосоцкой понадобилось свидетельство о рождении. Не мудрствуя лукаво, она обратилась в загс. Однако в течение года все запросы по этому поводу — её личные и местного загса — оставались гласом вопиющего в пустыне. Лишь недавно прибыл наконец хоть и маловразумительный, но зато выдающийся по темпераменту и слогу ответ. Вот он:

«Если Вы брали в 46 г. метрику, то тов. Старосоцкая А. Е. пожалуста ползайтесь ей, а нам пустым делом заниматься нет время Зав. бюро загса (подпись неразборчива)».

Узнав о такой занятости заведующего Горещим бюро загса, мы теперь тоже беспокоимся. Если у него «нет времени» для таких «пустых дел», как исполнение своих прямых служебных обязанностей, и для общеобразовательной учёбы, то захочет ли он уделить несколько минут своего драгоценного времени для прочтения этой заметки?

ДОВОДИМ ДО СВЕДЕНИЯ...

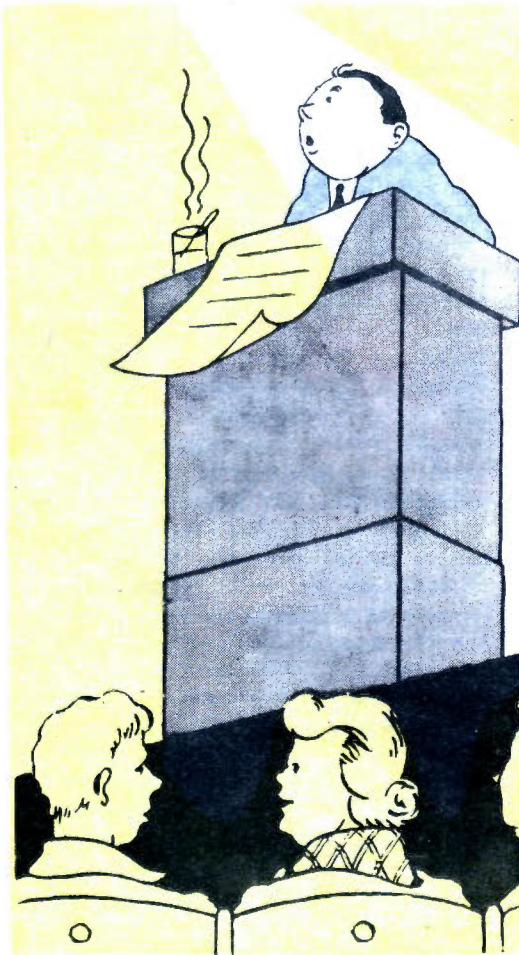
Сегодня воскресенье,
У Аллы день рожденья,
У Аллы день рожденья—
И мама сбился с ног.
По случаю рожденья
У нас столпотворенье,
Уже от напряженья
Охрип дверной звонок.

Отметим мы вначале:
Четыре года Алле,
Для Аллы погремушки
В подаренье отошли.
И множество изделий
Различных промартелей
Сегодня, в день рожденья,
Ей гости принесли:
Здесь и мячей десяток,
И слон, и медвежата,
И ярких ванек-ванек
Подарен целый полк,
Весёлые петрушки
И мотомехигрушки,
Три резвых поросёнка
И к ним в придачу волк...

...Как светлое виденье,
Промчался день рожденья.
Уложены подарки
На столик и на стул.
Отнюдь не без скандала
Спать уложили Аллу,
И всюду тихо стало,
Весь дом уснул.

И вот, когда огни потухли
И стало тихо всё вокруг,
К механизированной кукле
Соседка обратилась вдруг:
— Мы с вами лишь на той неделе
Простились, кукла, в промартели.
Бывают в жизни чудеса
И неожиданные встречи!
Но почему весь этот вечер
Сидели вы, закрыв глаза?

И кукла грустно отвечала:
— О, я открыть бы их могла,
Когда бы с самого начала
Чуть лучше качеством была!
Прости-прощай, моя краса!
Не открываются глаза!
Вы на моё взгляните платье,
Да разве мне оно подстать?
По-моему, в ночном халате

— За последний год я только дважды ви-
дел нашего профорга: первый раз, когда его
выбирали, и сейчас, когда он отчитывается!

И то приличнее гулять.
А что за туфли?! И в итоге
Какие мне пришили ноги!
Нет, я заметить вам должна,
Что это ноги от слона.

Медведь взревел: — Зато по моде!
Хоть я в суждениях нестрог,
Но где среди кукол вы найдёте
Хотя бы пару стройных ног?
Судьба над всеми шутит тонко,
Взглянул я в зеркало — и что ж?
Увы, скорей на поросёнка,

Чем на медведя, я похож.
Но я в безвкусице едва ли
Меня купивших обвиню:

Они ж медведя
покупали,
А подложили им... свинью!
И все заговорили сразу...

Галантный заяц косоглазый,
Ещё сильнее скосил глаза,
Матрёшке вежливо сказал:
— Был озадачен глубоко я,
Когда вчера увидел вас.
И не даёт с тех пор покоя
Мне выраженье ваших глаз.
Хочу задать вопрос простой,
От любопытства угасая:
Я от рождения косой,
Но вы-то отчего косая?

Заплакал мяч: — Я был надут,
И вот бока мои обвисли.
Я надувательства продукт
В прямом и фигуральном смысле.
Подпрыгну раз, другой, и — каюсь —
Я абсолютно выдыхаюсь.

Тут конь заржал. И кот учёный
Почти цитатою спросил:
— О чём ты ржёшь, мой конь картонный,
И что ты гриву опустил?

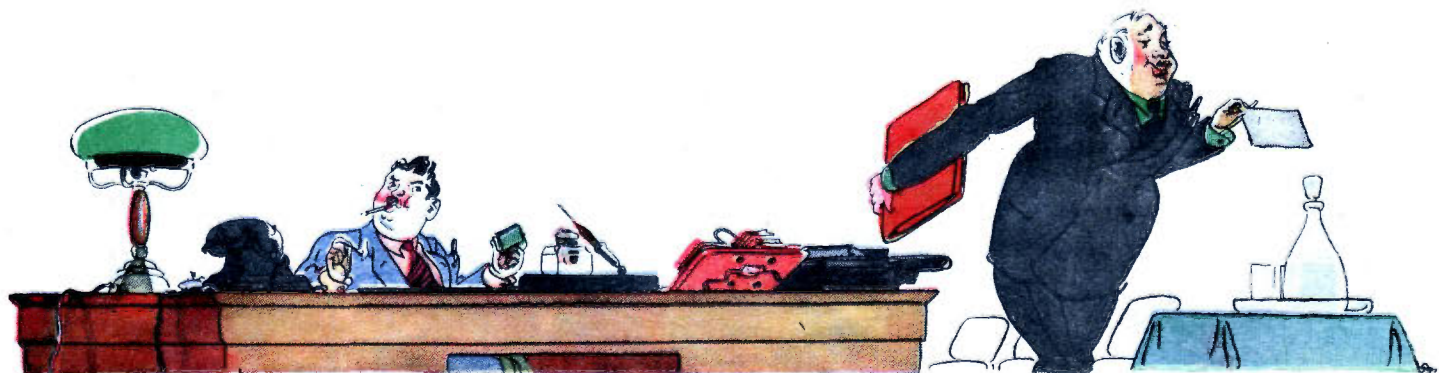
— Я из картона из простого,
Но заплатили за меня
Примерно так, как за живого,
За настоящего коня.

Промолвил грузовик устало:
— Вот скоро солнышко взойдёт.
Проснётся Алла, встанет Алла,
Меня, конечно, заведёт.
Она посадит в кузов зайку,
Прикажет куклу покатать,
Но если вдруг меня хозяйка
Захочет завести опять,—
То, как ни буду я стараться,
Как с силами ни соберусь,
При всём моём желании, братцы,
Я ни за что не заведуся.
Я не жилец на свете белом,
Горька судьба грузовика,
Который создан бракоделом
И не задержан ОТК.
Гнетёт, гнетёт меня кручина,
Бежит из фар моих слеза.
Эх, пропадай, моя пружина
И все четыре колеса!

До сведения артелей
Беседу их изделий
Мы б довести хотели
Без всяческих затей.
Ведь это не игрушки —
Производить игрушки!
Ответственное дело —
Игрушки для детей!

ТОНКИЙ ВКУС

Рис. Б. ФРИДЛИНА

— И работает он плохо и подхалим, а что-то мне в нём нравится!

СПРОС НА БИТЫХ СТРАТЕГОВ

В ГОРОДАХ Западной Германии проживает множество военных преступников — офицеров и генералов гитлеровской армии. Они очень живучи, и поэтому естественная убыль не оставляет на их количестве сколько-нибудь заметного следа. Наоборот, ряды гитлеровцев непрерывно пополняются всё новыми партиями освобождённых из тюрем.

Гитлеровцы с презрением отвергают гражданский труд, дабы не снизить уровня своей военной квалификации. Средства к существованию они черпают из самых тёмных источников.

Бывшие «завоеватели мира» жаждут снова проявить таланты в этом неблагоприятном амплуа. Обстоятельства, правда, переменялись: верховодят янки. Но гитлеровские недобитки согласны идти за бесноватым галантейщиком с Уолл-стрит с той же готовностью, с какой они шли в своё время за бесноватым фюрером. Как говорится, хоть и сзади, да в том же стаде.

Впрочем, не совсем уж последнее место в планируемой Уолл-стритом будущей войне отведено гитлеровским «стратегам». Дело в том, что, мастера извлекать высокие прибыли из войн, американские генералы-капиталисты всегда любили загребать жар чужими руками, ибо сами они не блещут талантами стратегов. Вот почему их приводят в умиление скороспелые «военно-теоретические труды» гитлеровских генералов. Различные карты Европы и Азии с нанесёнными на них жирными стрелами «молниеносных ударов» в сторону Советского Союза, незамысловатые комментарии к проведению «блицкрига» привлекают пристальное внимание «лучших представителей» американского «военного гения».

Особым успехом там пользуются труды бывшего гитлеровского генерала Гудериана.

Американская пресса всеми средствами пытается придать его грязной, подмоченной репутации приличную видимость. Так, например, журнал «Юнайтед стейтс ньюс энд Уорлд репорт», помещая интервью с Гудерианом, пишет: «Генерал-полковник Гейнц Гудериан почти разбил Россию во второй мировой войне, но... был побеждён жесточайшей русской зимой и усиленными контратаками».

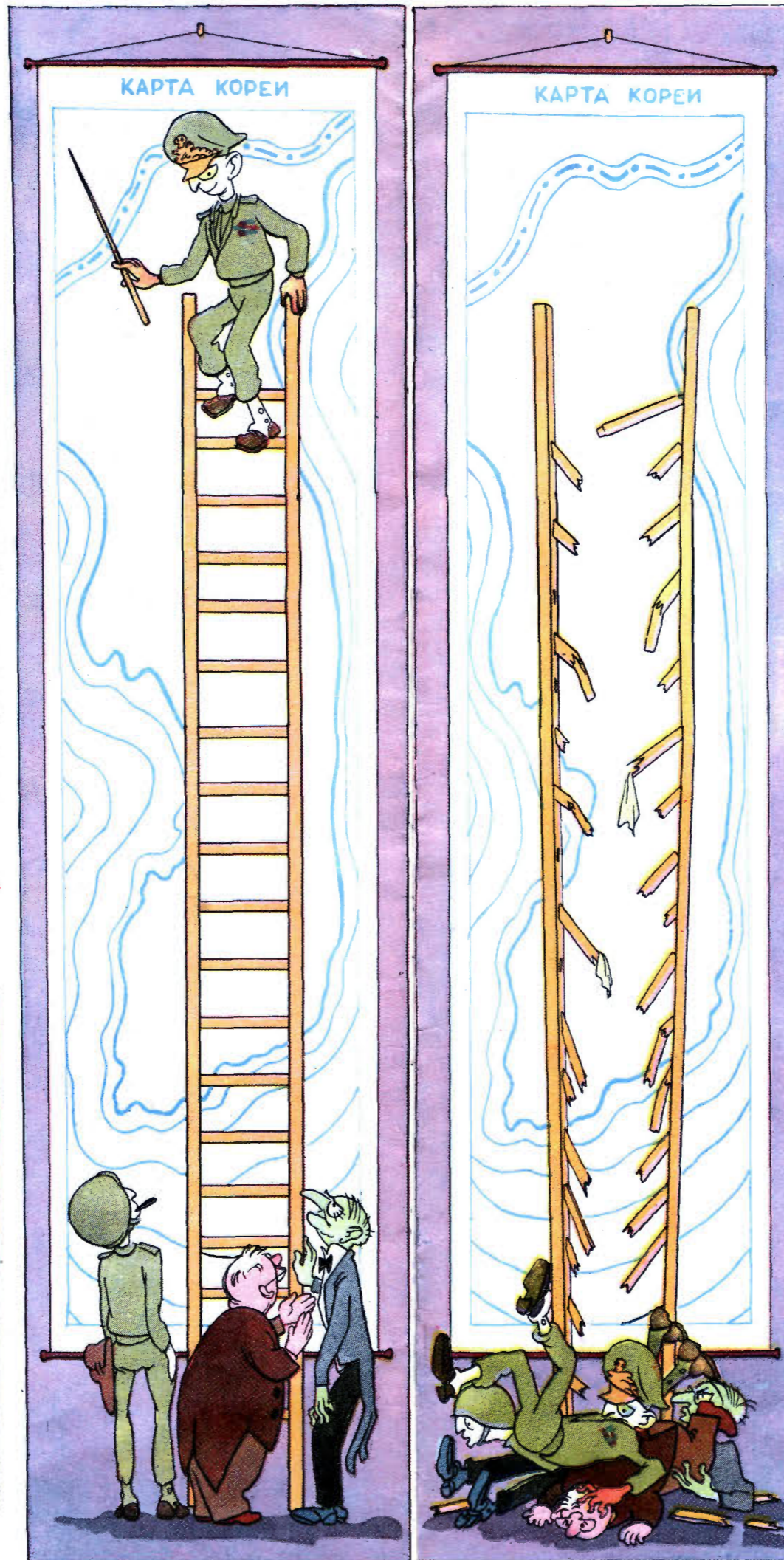
В порыве откровенности журнал сообщает далее, что, «будучи военнопленным, генерал Гудериан составил стратегический план ведения будущих войн, который тщательно изучается высшими военными чинами в США». Сам Гудериан рассказывает, что в своё время по предложению американских офицеров он, не рассчитывая на особенный успех, продиктовал машинистке двадцать страничек текста, где пообещал новым хозяевам победить любого противника, превосходящего по численности в три, четыре, пять раз, и спасти западную цивилизацию. Видимо, сознавая всё же, что от такого заявления пахнет глупостью и бахвальством, генерал уделил особое внимание трудностям будущей войны, в первую очередь с Советским Союзом. Он подчеркнул «жестокость русской зимы» и предупредил, что «русский солдат — превосходный солдат и нельзя недооценивать его способностей, как это сделал Гитлер».

Тошнотный труд Гудериана произвёл, однако, неотразимое впечатление на американский генералитет в целом, на председателя группы объединённых штабов США Брэдли в частности и на самого Трумэна в особенности.

Приходится лишь поражаться крайней негребователюности американских стратегов, заседавших за «тщательное изучение» плана Гудериана.

В. КРУГЛОВ

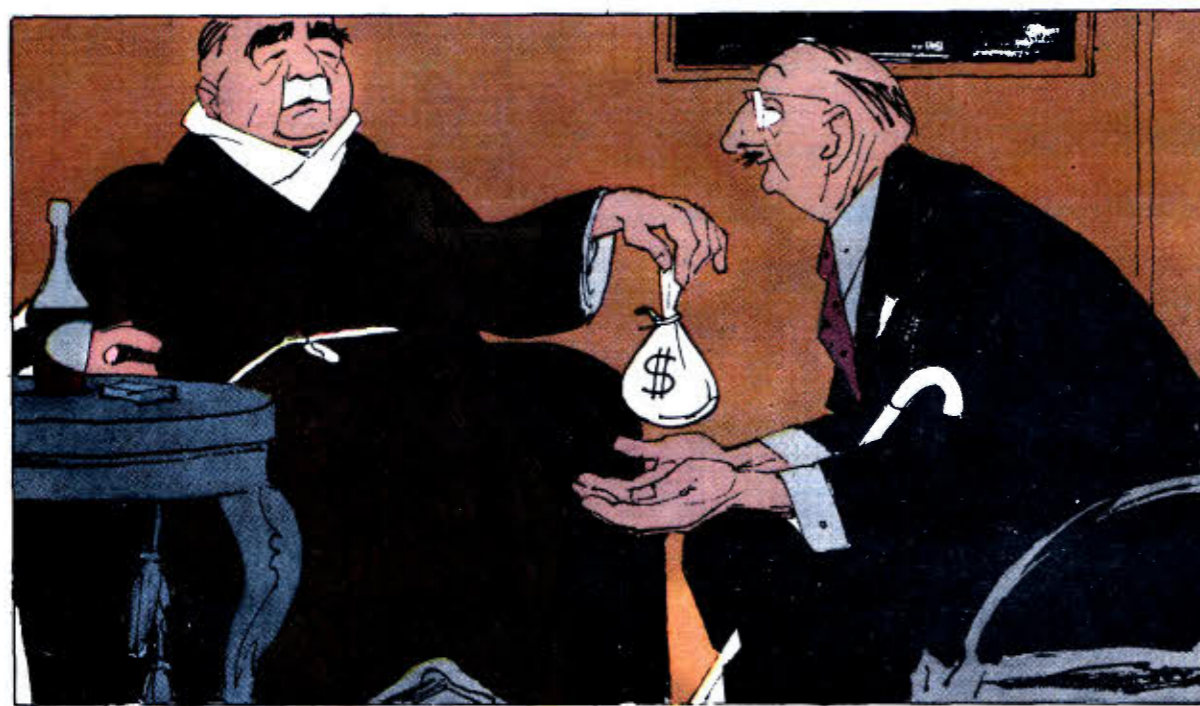
Рис. Ю. ФЕДОРОВА

Сорвалось.

ВЫБОРЫ ПО-АМЕРИКАНСКИ

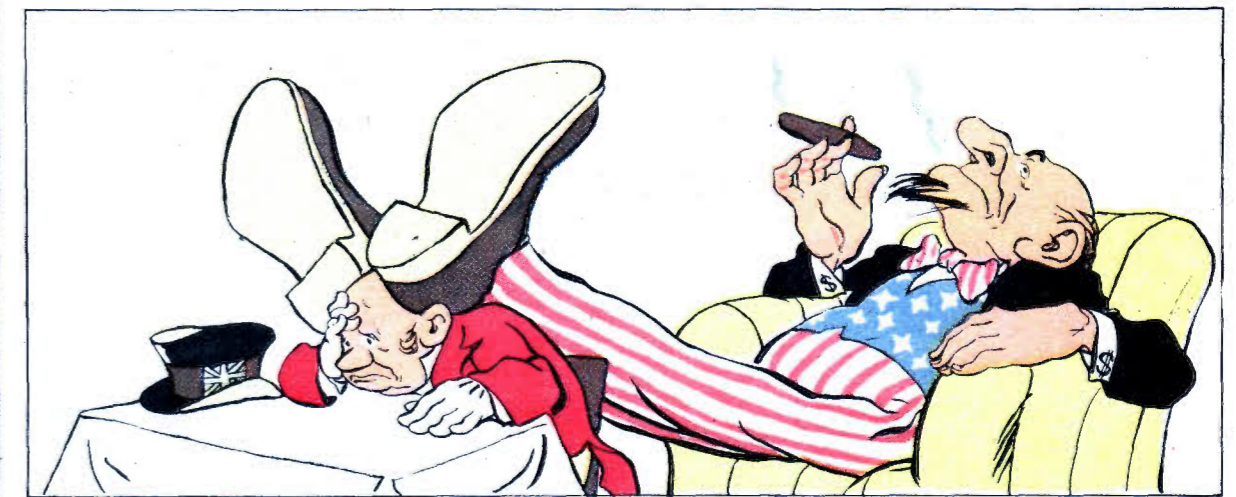
Рис. Л. СОЙФЕРТИСА

— Теперь я могу рассчитывать быть избранным!
— Конечно, сэр! Ведь у вас задатки настоящего сенатора!

АНГЛИЙСКИЙ СПЛИН

Рис. А. ВАЖЕНОВА

— Никкак не пойму, отчего у меня такое тяжёлое состояние!..

Мих. ПУСТЫНИН

КОРОТКО, НО ЯСНО

ПАСТОРУ КЛАЗССОНУ

По сообщению шведской газеты «Экспресен», одному из «пророков» религиозной секты «Друзья святой троицы» — пастору Класссону — недавно приснилось, что Россия напала на Швецию. Класссон видел, как приземлялись в Швецию русские войска.

Хоть свет и не в одном окошке,
Но из него лететь и вам
По форрестоловской дорожке,
По форрестоловским стопам.

СВЕРХУЧЕНОМУ УАЙДЕРУ

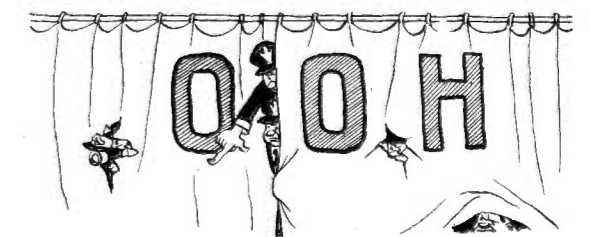
Профессор метеорологии Корнелльского университета Уайдер предлагает с помощью особых механизмов, установленных на судах в Атлантическом океане, отвести от коммунистического мира... осадки и навлечь на него погибель засухи.

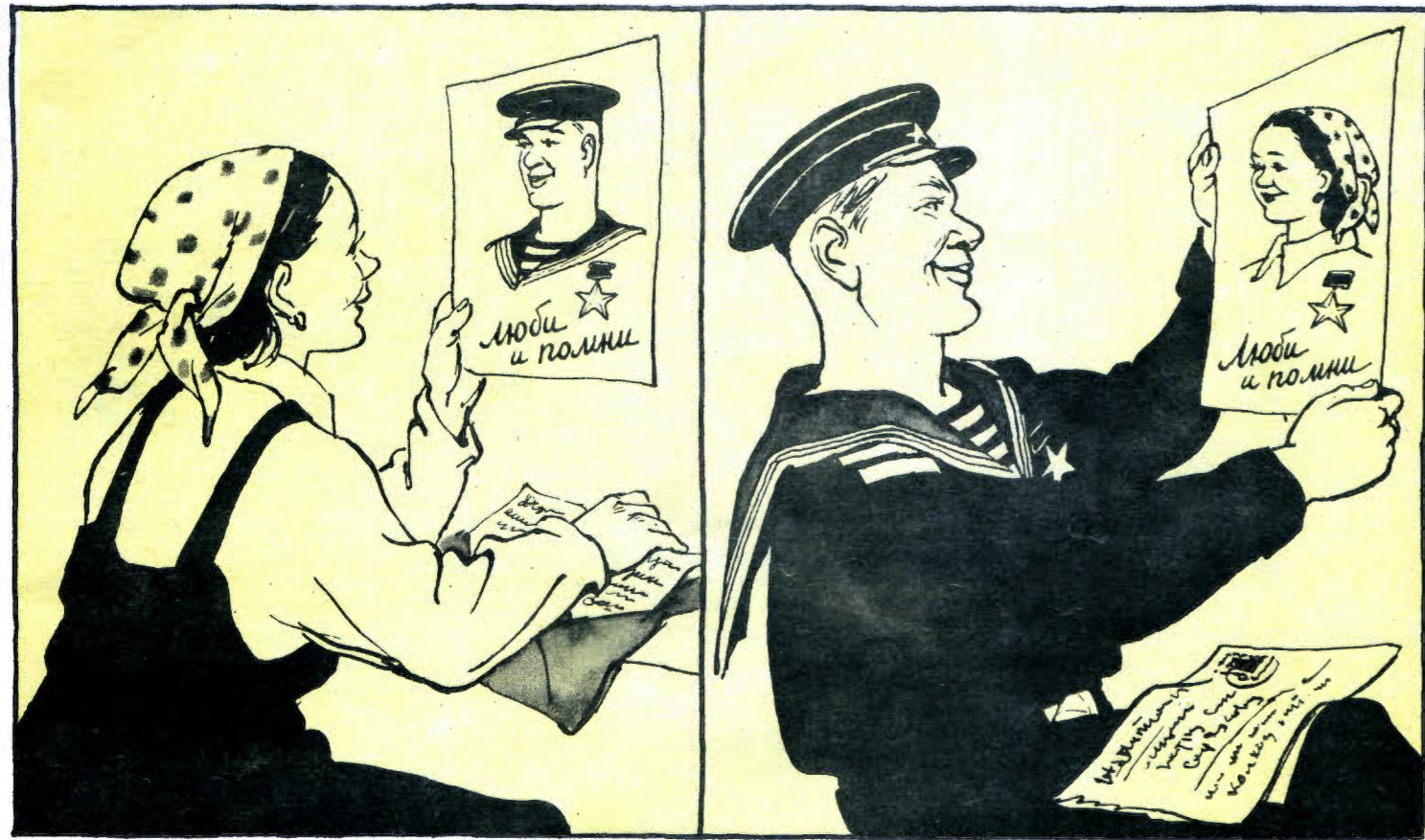
У сверхучёного агрессора
Одна лишь мысль: Европы крах.
Увы! У этого профессора,
Должно быть, засуха в мозгах.

ФРАНКУ БЭГЛИ

Американская разведка имеет в секретариате ООН свою собственную шпионскую сеть, возглавляемую руководителем хозяйственного отдела секретариата Франком Бэгли, который раньше был полицейским в Нью-Йорке.

Сыск у Бэгли в почёте.
Мистер, страшно смотреть,
Как вы густо плетёте
ШпиООНскую сеть.

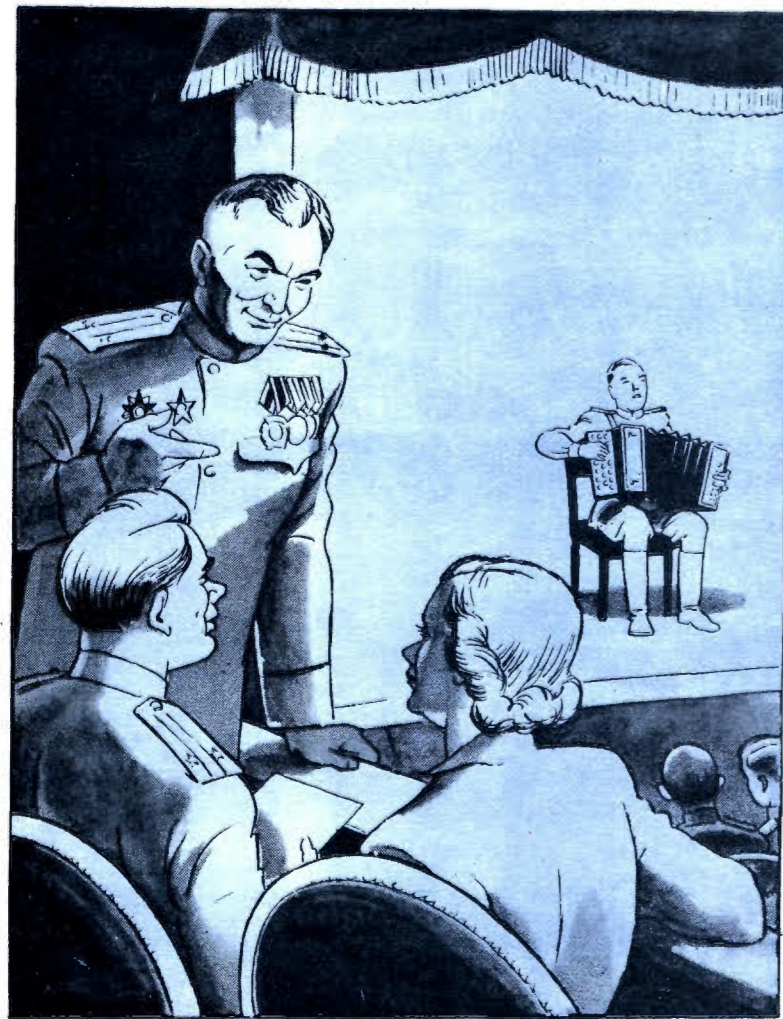

Друг от друга не отстают.

В альбом юбилею

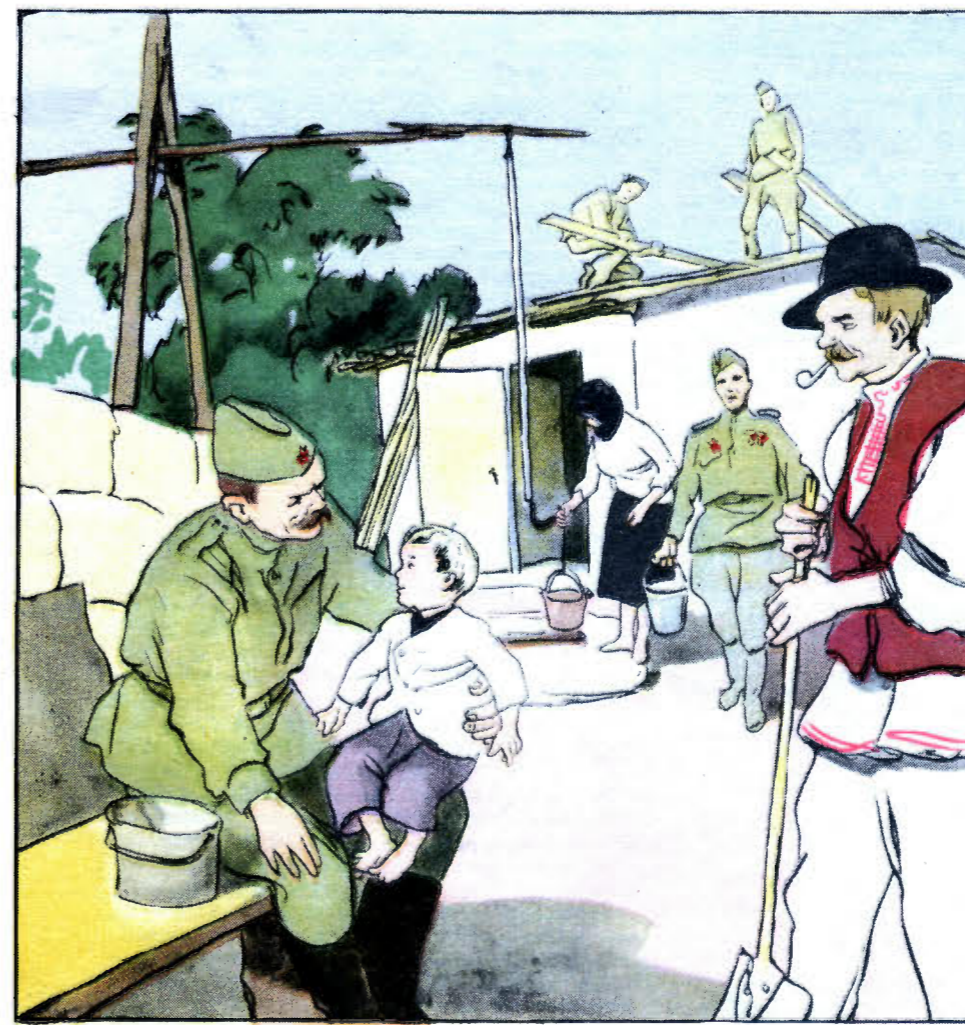
Вот здорово! Весь тир перевернули вверх дном!

— Как хорошо играет Сидоркин на слух!
 — Что ж удивительного! Ведь он лучший разведчик в нашей части!

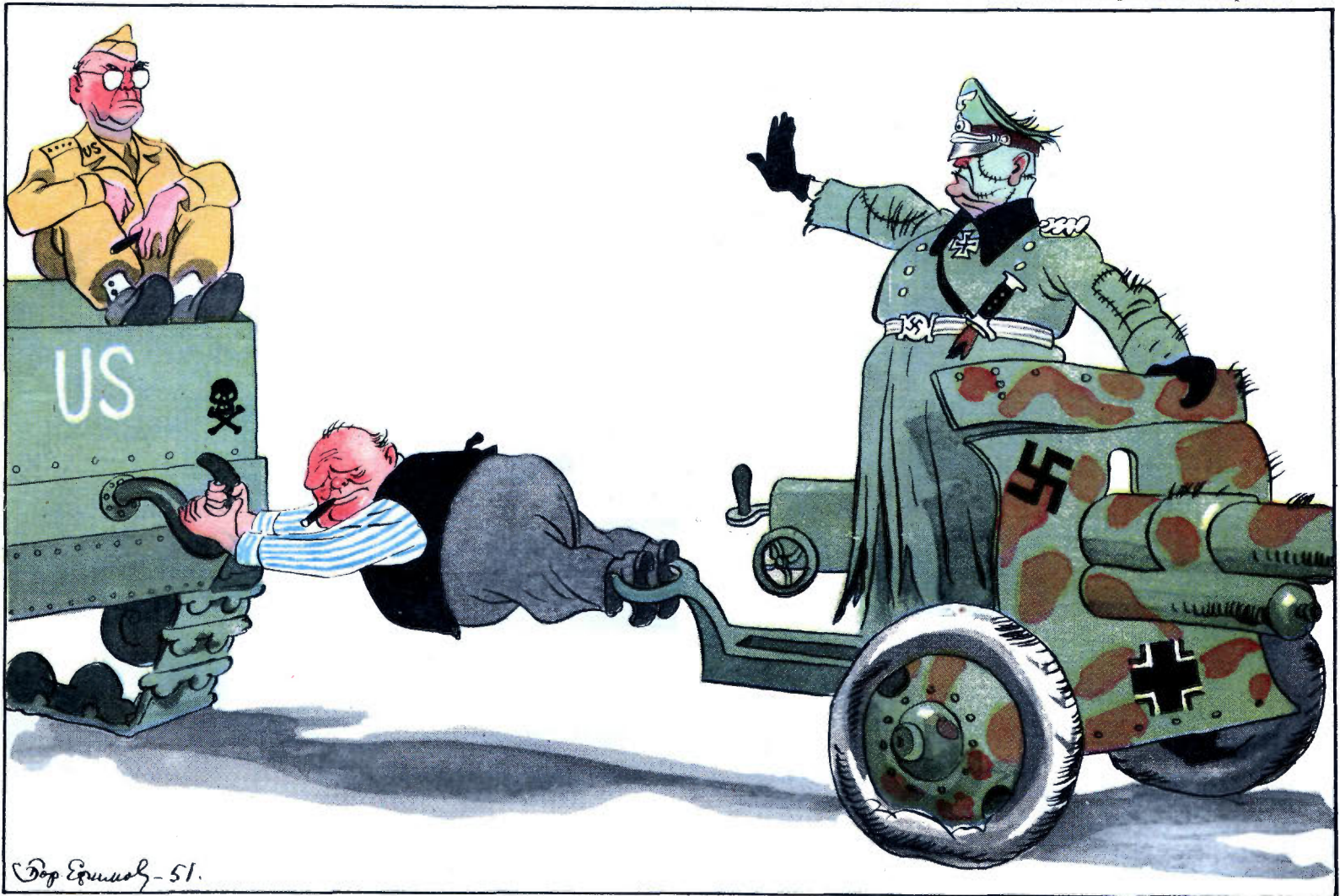
1950 год. Здесь побывал американский солдат...

1944 год. А здесь — русский.

— Как ловко бьёт он в лёт!
 — Он и во время войны стрелял неплохо!

Тесная связь.

ОСТИН РАЗМАХИВАЕТ АВТОМАТОМ

Одни бряцают оружием, другие проливают кровь.

Ачесоны, даллесы и остины бряцают. Гибнут на войне никому не известные Смиты, Джексоны и Симпсоны.

Это давным-давно все понимают.

И вот представьте себе удивление всего служебного персонала Организации Объединённых Наций, когда в одно прекрасное утро перед ними предстал Остин, воинственно шагающий с автоматом в руке. Неужели храбрый мистер Остин решил поехать на фронт, в Корею, чтоб личным примером показать, как надо положить живот свой на алтарь Уолл-стрита?

А дальше представьте себе ужас членов Совета Безопасности, почувствовавших себя далеко не в безопасности, увидав Остина, направляющегося к трибуне с автоматом в руке. Многие тотчас же вспомнили Форрестала и решили, что, по всей вероятности, его последователь Остин впал в буйное помешательство и начнёт сейчас стрелять.

Но всё обошлось более или менее благополучно. Остин произнёс обычную клеветниче-

скую речь против Советского Союза. Ничего нового. Ни капли свежего бреда.

Единственно, что было новым, — автомат в руке оратора. Размахивая им, Остин заявил, что это оружие ему прислал Макартур. Что это советский автомат, захваченный у корейцев.

Одни посмеялись этой выходке. Другие (т. е. американские сателлиты) старательно аплодировали оратору с автоматом.

Прошло несколько месяцев. И вот на днях два американских военных писателя — Гаррет Андерхилл и Роланд Шиллер — написали (так сообщает агентство Рейтер) статью для американского журнала «Лук», в которой разоблачают очередное жульничество поджигателей войны. Авторы статьи утверждают: точно установлено, что этот автомат не является советским автоматом, что он изготовлен на корейском заводе.

Конечно, обо всём этом Остин был прекрасно информирован. Но, как старый и опытный фабрикант фальшивок, он не мог пропустить случая, чтоб лишний раз не участвовать в грязной проделке.

ПОИСКИ ПРЕЦЕДЕНТОВ...

Известно, что «прецедент» играет очень важную роль в английском судопроизводстве. В списках дел XVII века судорожно разыскивается нечто, напоминающее преступление человека, сидящего на скамье подсудимых в XX веке. Судьи находят и торжествуют: дело можно решить с лёгким сердцем, ответственность снята, ибо в XVII веке поступали почти так же...

Старательность, с которой итальянский социолог Бомани занят поисками прецедентов, напо-

минает усердие младших клерков английского суда, днём и ночью роющихся в пыльных фолиантах.

Стремясь угодить своим хозяевам, учёный муж недавно закончил объёмистый труд, в котором очень точно высчитал, когда и сколько лет земной шар наслаждался всеобщим миром. Складывая, вычитая и умножая, Бомани установил, что земной шар наслаждался миром недолго: всего 323 года из последних 3865 лет

своего существования. Остальные 3542 года кто-нибудь где-нибудь непременно воевал...

Ура! Ура! «Прецедент» найден. Человечеству необходимо воевать — это его любимое занятие.

Надо посоветовать Бомани, чтобы он не окрылялся успехами и не занялся, чего доброго, розысками других прецедентов. По рассеянности он может сказать, что и раньше было немало претендентов на мировое господство и что финалы их деятельности роковым образом совпадали...

Этого ворошить не надо. Такого усердия поджигатели войны не оценят...

НОВИНКА АМЕРИКАНСКОЙ ТЕХНИКИ

Недавно американские оккупационные власти предоставили в распоряжение западноберлинской полиции солидную партию «снэпсов» — стальных прутьев, покрытых тонкой резиновой оболочкой. Эти прутья предназначаются для «нанесения ударов с полицейских машин». Для чего предназначаются полицейские машины, всем известно.

Судя по отзывам специалистов, то бишь полицейских, «снэпсы» обладают огромными преимуществами по сравнению с другими видами лёгкого вооружения: они не требуют особого хранения и ухода, весьма просты в употреблении и т. д.

Однако о результатах применения «снэпсов» в Западной Германии скромно умалчивается. И неспроста. Друг с другом поджигатели войны ещё кое-как договариваются. А вот «договориться» с немецким народом о ремилитаризации Западной Германии даже при помощи «снэпсов» — дело нелёгкое. Прямо скажем: безнадежное.

К тому же американцы и их подручные забывают, видимо, что «снэпс» — тоже палка. А всякая палка имеет два конца.

ЧТО УЗНАЛИ ВОЙСКА США В КОРЕЕ

В мире бизнесменов — закон: диктует свою волю и навязывает другим свои желания тот, у кого больше долларов.

Этот неписанный закон безотказно действовал и за границей. Вылезая из роскошных самолётов на чужую землю, бизнесмены тут же принимались диктовать и навязывать свои правила поведения и товары, свою волю и займы.

Боги доллара были уверены, что и в войне побеждает тот, кто побогаче. Корейские события разубедили их в этом. Токийский корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» Джонстон, в панике сообщая о низком моральном уровне американских войск в Корее, пишет: «На корейском фронте войска узнали, что наличие самого лучшего вооружения и снаряжения оказывается далеко не достаточным для того, чтобы остановить врага, полного решимости наступать». Джонстон добавляет: «Американские фронтовые командиры жалуются, что противник заставил их вести бой, навязанный тактикой врага при диктуемых им условиях».

Неписанный бизнесменовский закон потерпел крах. Как выяснил Джонстон, закон этот немедленно теряет свою силу, как только его применяют не к продажным правительствам, а к народу.

ЭСТЕТИКА УБИЙЦ

Известно, что не все солдаты американской армии, действующей в Корее, — гангстеры. Однако Макартур не теряет надежды восполнить этот пробел.

Недавно в Корее был взят в плен сержант 24-го полка 25-й американской дивизии Морис Мильтон. В карманах у него было обнаружено множество фотографий. Среди них нашли такой, например, идилический снимок: небольшая корейская деревня, дома, обсаженные деревьями, ребятки, играющие на улице...

Впрочем, при дальнейшем разборе снимков выяснилось, что сержант Мильтон не столько фотолюбитель, сколько любитель пограбить, мастер поджогов, убийца. Был обнаружен другой снимок, на котором Мильтон запечатлел ту же корейскую деревушку, но уже после пребывания в ней американских солдат. На этом снимке — мрачные развалины, одиноко торчащие трубы, ни одного деревца, ни одной живой души. А на обратной стороне карточки Мильтон аккуратно пометил: «Корея, район Хосонам, деревня Чон Чен. Уничтожено 500 крестьян».

Надо заметить, что американец снимки сделал с чисто немецкой тщательностью. Используя, так сказать, «боевой опыт» фашистских «фотолюбителей» времён второй мировой войны.

Да, Макартур не без оснований рассчитывает, что под командой таких унтеров, как Мильтон, американские солдаты быстро усвоят себе все нормы гангстерско-фашистского поведения...

Если, конечно, успеют.

БУБНОВАЯ ДАМА

Если пиковая дама свела некогда с ума несчастного Германа, то в наши дни бубновая дама повергла в ужас тысячи жителей Мюнхена. По сообщению венской газеты «Нейе винер тагесцейтунг», гипнотизёр и «маг» Фриц Штробль давал в мюнхенском отеле «Регина» сеанс передачи мыслей на расстоянии. Вытащив первую попавшуюся карту — бубновую даму, «маг» объявил, что заставит диктора мюнхенской радиостанции назвать её.

И, действительно, читавший в это время обзор международных событий диктор Дитрих Эльвенспек прервал на полуслове своё выступление и отчётливо произнес: «Регина, бубновая дама», — а затем, как ни в чём не бывало, продолжал чтение.

В отравленном военной пропагандой воображении радиослушателей представилось, что это зашифрованный сигнал к военным действиям. Многие ударились в панику.

На страницах западноберлинской печати долго и горячо обсуждался вопрос, возможен ли в действительности «гипноз» на расстоянии в несколько километров. Конец этой «научной» дискуссии положило признание диктора Эльвенспека в том, что он «работал» со Штроблем и получил от него три тысячи марок.

Силы воздействия одной души на другую оказались весьма материальными.

ЗАРИСОВКИ С НАТУРЫ

Немецкий художник Кулка сделал несколько зарисовок обычных, будничных развлечений носителей американской цивилизации в Западной Германии. Рисунки, сделанные с натуры, подтверждаются официальными полицейскими отчётами.

Типичные представители вооружённых сил Соединённых Штатов Уиллард Х. Холл и Овис Ф. Бэрнфилд не были слишком разборчивы в выборе средств нападения на шофера такси АВ 778367 Вилли Ферле. Остановив машину, они с помощью несложных приспособлений нанесли шоферу тяжёлые увечья и, овладев всей выручкой, выбросили его на обочину шоссе невдалеке от Нюрнберга.

Американские офицеры пробуют свои силы в гостинице Зеебурга близ города Регенсбурга. Как видно из рисунка, хозяин гостиницы недоумевал: кто же эти бандиты, ворвавшиеся в их дом?

С помощью веского аргумента — железного шкворня — один из «высоких гостей» всего лишь несколькими ударами по темени рассеял заблуждение владельца гостиницы: это были офицеры Соединённых Штатов. В таких случаях во избежание больших неприятностей шум поднимать не рекомендуется.

Жители города Гамбурга, имевшие наивность заступиться за девушку, к которой приставали пьяные американские солдаты, очень быстро поняли свою ошибку. Американская военная полиция, привлечённая шумом и криками к месту происшествия, быстро восстановила порядок. Защитников девушки доставили в комендатуру, раздели, избили плетью, угостили пинками и выбросили на улицу.

Два снайпера в мундирах цвета хаки открыли беглый огонь по прохожим Эрленштегена (район Нюрнберга).

Стрельба по живым целям — излюбленное занятие американских живоделов. Однако в Западной Германии оно несколько осложняется: на груди изображённых на рисунке людей не хватает ярко раскрашенных мишеней, которые носители атлантической цивилизации широко применяют в Корее, чтобы исключить возможность промаха.

Среди белого дня

Борис ЛАСКИН

КАЖДУЮ субботу мы обычно встречаемся у себя, в клубе Академии. Народ у нас живой, весёлый. Сами знаете, когда соберётся в гостиную компания человек в десять, начинаются бесконечные рассказы, воспоминания разные...

Вот и вчера вечером собрались мы, как обычно, сидим, беседуем, вдруг приходит майор Степанов, он у нас учится на втором курсе. Боевой офицер, танкист, скромный и вообще весьма приятный молодой человек. Открытое лицо, глаза весёлые, и волосы, знаете ли, такие необыкновенно светлые. Его у нас в шутку прозвал кто-то негативом жгучего брюнета.

Да. Ну приходит, значит, майор Степанов, улыбается и говорит: — Товарищи! Если есть желающие, могу рассказать занятную историю...

Желающие сразу нашлись. Сдвинули мы кресла, и начал майор Степанов свой рассказ:

— Помните, товарищи, в прошлое воскресенье была у нас лыжная вылазка за город? Пошли мы большой группой, я потом оторвался и побежал вперёд. Погода прекрасная, день светлый, морозец. Отмахал я километров десять, иду вдоль леска, чувствую, крепление разболталось. Придётся, вижу, произвести ремонт ходовой части. Занимаюсь со своим креплением, вдруг — бац! Снежком меня кто-то в спину. Оглядываюсь — никого. Думаю,

с ветки снег упал. Только я так подумал — бац! Второй снежок. На этот раз по самой макушке. «О, — думаю, — снайперская работа!..» Оглядываюсь — опять ни души. И тут, понимаете, не успел я ничего толком сообразить, как чьи-то руки мне глаза закрыли. Руки маленькие, горячие, женские...

Человек я, как вы знаете, холостой. К романтике с детства расположен. Думаю, подожду, что будет дальше. И тут слышу я над самым ухом торопливый голос:

— Глупый ты, глупый!.. Ничего ты не понимаешь! Я тебя очень люблю!..

И вдруг чувствую, целуют меня в щёку...

Стою я, можно сказать, в полной растерянности. Оборачиваюсь, гляжу: девушка красивая, в лыжном костюме. Отбежала шага на три, снегу зачерпнула — и прямо мне в лицо. У меня, наверно, от удивления рот был широко открыт, потому что мне весь заряд туда попал.

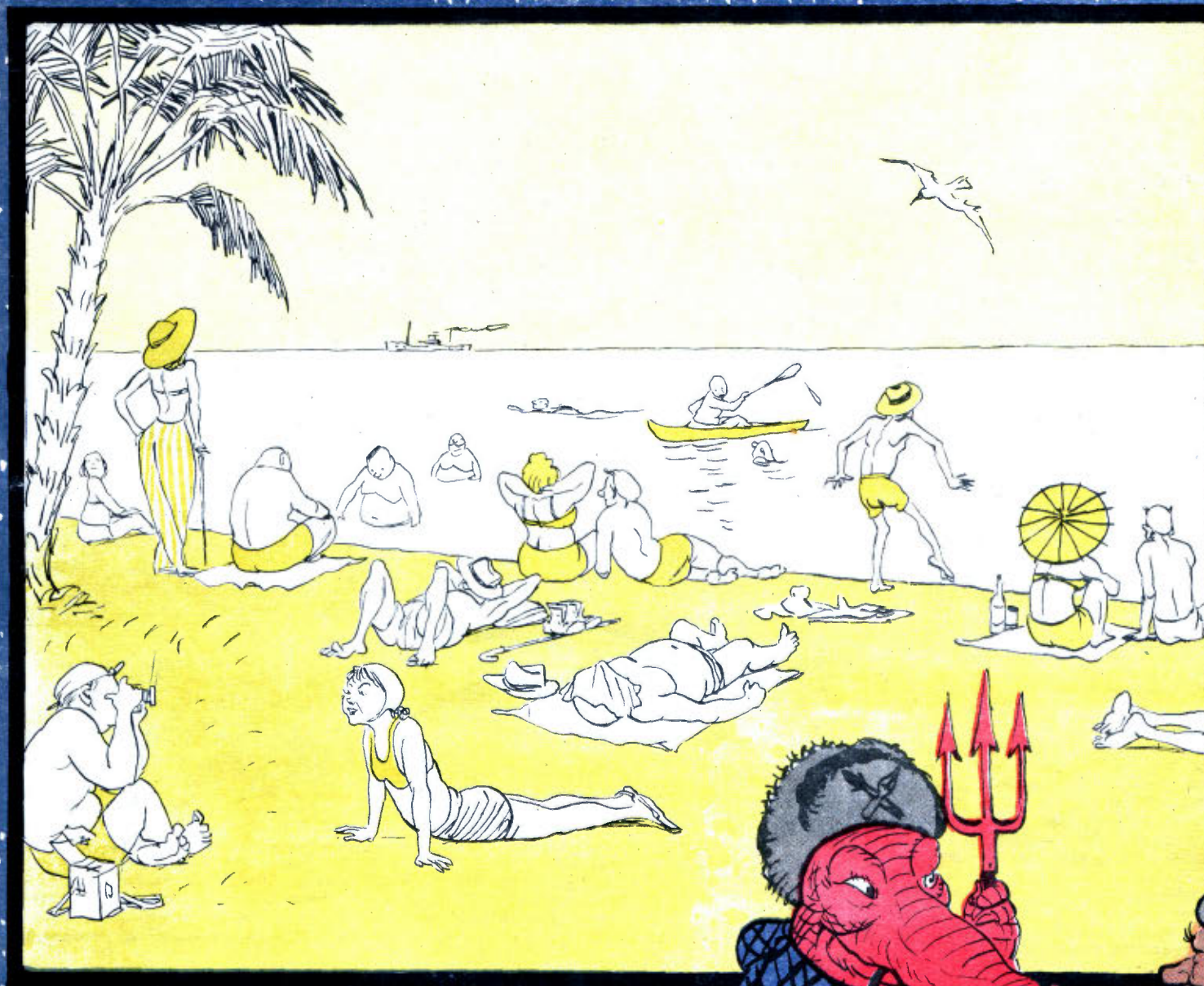
Прихожу я, как говорится, в чувство, а девушки-то и след простыл.

«Ах, — думаю, — раз такое дело, сейчас я её догоню!»

Принимаю я это решение, вдруг, откуда ни возьмись, выходит из леска гражданин в очках, тоже на лыжах. Направляется ко мне, а у самого на лице улыбка.

Рис. И. СЕМЕНОВА

«Киножурнал «Новости дня» часто оказывается в хвосте событий». (Из газет.)

— Товарищ Крокодил! Зима в разгаре, а вы показываете летние виды!

— Это не я показываю. Это кинохроника их показывает в последних номерах «Новостей дня»!

— Понимаю,—говорит,—я, Степанов, почему ты такой смущённый. Я всё видел. Дай закурить.

Я говорю:

— Пожалуйста, закуривайте. Только, извините, я вас не знаю.

— Ах,—говорит,—вы меня не знаете, товарищ Степанов? Интересное дело. Впрочем, понятно, любовь ослепляет человека.

Что за оказия?! Смотрю я на него и чувствую: ну, совершенно незнакомый человек. А он улыбается:

— Подумать только, что девичий поцелуй способен с человеком сделать! Тебя же сейчас просто не узнать, честное слово. Ну ладно, будет притворяться, пошли, а то опоздаем к обеду.

— К какому обеду?

А он уже лыжи поворачивает и мне рукой машет: дескать, пошли!..

Я прошу:

— Гражданин, объясните, пожалуйста...

А он на мои слова и внимания не обращает.

— Слушай,—говорит,—Степанов, может, мы до станции добежим, бутылочку вермута к обеду возьмём, а?

Я говорю:

— Это всё, конечно, можно. Но я прошу вас учесть, вы меня приняли за другого человека.

Гляжу, он усмехается.

— Ах, вы, значит, не Степанов?

— Вообще-то,—говорю,—я Степанов, но...

И тут меня догадка осеняет.

— Стоп,—говорю,—минуточку! Вы сюда из Москвы пришли?

— Я,—говорит,—из Москвы приехал, а пришёл я из дома отдыха.

— Из какого дома отдыха?

— Из дома отдыха машиностроительного завода. Того самого завода, где ты работаешь. Пошли за вермутом, довольно дурака ваять!

Я говорю:

— Дорогой товарищ, произошла ошибка. На машиностроительном заводе работает мой брат Николай. Что же касается меня, то я офицер, слушатель Академии...

Тут, я гляжу, он возвращается, смотрит на меня, очки снимает, снова надевает. Понимаю, человек глазам своим не верит.

— Послушайте,—говорит,—вы, что это, меня разыгрываете или серьёзно?

Я говорю:

— Серьёзно. Близнецы мы с Николаем. Понимаете? Нас даже родители иногда путают.

Смотрю, человек просто-таки начинает качаться от смеха.

— Ой,—говорит,—не могу... Что же это будет? Я-то ошибся—ладно. Я близорукий. Но Вера-то, Вера Прокофьева, она-то ведь вас даже поцеловала.

Я говорю:

— Да. Так вот получилось.

Он говорит:

— Тогда срочно пошли в дом отдыха. Не надо никакого вермута. И без вермута весело будет.

Идём это мы с ним через лесок в дом отдыха, а он по дороге всё оглядывается и руками разводит.

— Впервые,—говорит,—в жизни вижу такое поразительное сходство.

Дошли мы почти до самого дома, остановился он, меня в плечо толкает:

— Смотрите!

Гляжу, стоит в сторонке Николай в таком же точно лыжном костюме, как мой. Стоит и варежкой снег счищает с лыж, а рядом девушка та самая. Нас они не видят.

Слышим, девушка к Николаю обращается:

— У тебя такой вид, будто ты всё это принял, как должное. Даже странно.

Николай говорит:

— Что странно?

— Странно, что после того, как я первая объяснилась и... даже поцеловала...

Смотрим, Николай от удивления даже лыжу уронил:

— Когда?

— Что—когда?

— Когда ты меня поцеловала. Верочка?

Тут уж, смотрим, девушка обижается:

— Если ты способен после всего, что случилось...

— Верочка!..

Николай к ней руки тянет, а она ему:

— Оставь! Слышишь?

После чего поворачивается и, чуть не плача, идёт прямым ходом на нас.

Если бы я был художником, может быть, мне удалось бы изобразить выражение её лица в тот момент, когда она меня увидела. Словами это передать невозможно. Остановившись на полпути, она посмотрела на меня, на Николая, опять на меня и прошептала:

— Что это?

Ну, тут уж, я чувствую, пора вмешаться.

Подхожу и говорю:

— Успокойтесь, прошу вас. Это мой брат. Ничего страшного.

Видю, она полегоньку в себя приходит начинает.

— Позвольте,—говорит,—это что, значит, я там... вас?..

Я говорю:

— Меня. Но я не виноват... Здравствуй, Коля.

Обнялись мы с братом, рассказал ему, как я сюда попал. И тут поднялся такой хохот, что даже снег с деревьев посыпался.

— Я из своего романа сделал пьесу, из пьесы — сценарий, из сценария — либретто балета...

— А теперь над чем работаете?

— Переделываю свой роман в пантомиму для цирка!

Стоим мы с Николаем, а на наш смех из флигелька старик выходит, похоже, сторож. Взглянул на нас с Николаем, вздрогнул, глаза протёр, и говорит:

— Всё. Норма. Уже заместо одного двоих вижу...

Ну, затащил меня Николай в дом отдыха, пообедал я там у них, а после обеда почти все отдыхающие в гостиную сбежались. Народ-то всё знакомый, все на одном заводе работают. Пришлось опять для вновь прибывших сначала рассказывать.

И тут, представьте, Николай вдруг говорит:

— История смешная, но ведь это, между прочим, только вторая её половина.

Тут, конечно, все заинтересовались, а больше всех я.

— А что же было до этого?—спрашиваю.

— А вот слушай. Мы с тобой, Алёша, месяца два не виделись. Так? Как раз в середине декабря приезжала к нам на завод чехословацкая делегация. Заходят гости к нам в цех. Аркадий Иванович, директор наш, пояснения даёт, ну, меня представляет: «Вот,—говорит,—мастер, стахановец, передовик производства, товарищ Степанов». И вдруг, представьте себе, девушка одна из состава делегации бросается ко мне и целует. Я до того сторопел, слова сказать не могу. А она говорит по-русски:

«Здравствуйте, дорогой товарищ Степанов! Я так счастлива! Я помню вас совсем другим. Вы въехали в нашу родную Прагу на броне советского танка. Это было в мае сорок пятого года, вы помните, когда ваша великая Армия принесла нам свободу?» Ну, я стою, руку ей пожимаю, а сам думаю: «Милая, ведь Прагу-то освобождал не я, а брат мой Алексей Степанов, танкист, гвардеец...»

Рассказывает это Николай, а я вижу, отдыхающие на меня смотрят.

Тогда я говорю:

— Друзья дорогие!.. История, действительно, интересная, но позвольте всё же внести ясность...

Сказал я это, посмотрел на Николая и Верочку и подумал: «Какую же ещё тут ясность вносить? Всё яснее ясно: не иначе, скоро нам, братцы, на свадьбе гулять».

БУДЬТЕ ЛЮБЕЗНЫ!

Если мобилизовать всю силу воображения, можно представить себе волнующую сцену в николаевском тресте столовых и ресторанов.

Сидит за широким столом директор треста К. А. Гайдабас и вежливо, деликатно, тепло разговаривает с сотрудниками. В меню его речи отменные яства — мягкий юмор, такт, предупредительность. Даже строгие выговоры произносятся с доброй улыбкой. Только с негодными работниками директор резок, но откуда же быть негодным работникам у хорошего директора? Вот Гайдабас поднимается из-за стола.

— Посетитель, кажется, пришёл, — озабоченно говорит он. — Выйду-ка я ему навстречу. Может, неотложное дело. Ах, это вы? Проходите, дорогой мой. Сядьте. Вы ко мне с докладом? Ну, рассказывайте...

Посетитель глядит на начальника с нежностью, переходящей в благоговение.

Волнующая сцена вежливости и деликатности! Но чтобы увидеть эту сцену в николаевском тресте столовых, надо обладать очень большим воображением. Иначе увидите и услышите нечто другое.

Гайдабас отвергает вежливость принципиально и категорически. Как непредусмотренный раскладкой расход душевной теплоты. Как чрезмерные издержки обращения. Как разбазаривание калорий.

Он не бежит с распростёртыми объятиями навстречу посетителю, а отрывисто бросает ему из-за стола крепкие угощения:

— Ну, чего тебе надо?

Крепкие угощения приправлены солёными словечками.

И работники общественного питания не глядят на директора с нежностью, переходящей в благоговение. Не милует и не жалуется подчи-

нённых Гайдабас. Он изъясняется с ними языком ломовых извозчиков прошлого столетия. В подтверждение этого факта мы, к сожалению, не можем привести ни одной доподлинной реплики директора, но сам он их приводит ежeminутно с изумительной виртуозностью. Бумага может вытерпеть только самую мягкую гайдабасову ноту: «Морду набью».

Ведёт себя Гайдабас так, словно при выдвижении на этот пост ему вменили в обязанность за ту же заработную плату ежедневно демонстрировать перед людьми своё дурное воспитание.

Как же нам всё-таки быть с такими грубыми и невоспитанными людьми?

Их бы надо выругать громогласно. Однако не станем грубить. Скажем им строго, но вежливо:

— Будьте любезны оставить свои дурные привычки! Будьте любезны!..

М. МАРКОВ

ВЫГОВОР В СИРОПЕ

Власть работает Георгий Матвеевич Сафронов, управляющий орловской конторой «Росглавкондитера». Управляющий взял на себя колоссальную нагрузку. Он делает одновременно следующее:

а) осуществляет руководство сбытом сладостей; б) принимает на работу, увольняет и отдаёт под суд сотрудников; в) получает выговоры за клевету; г) ведёт домашнее хозяйство в широких масштабах; д) получает выговоры за использование служебного положения; е) ведёт активные боевые действия против парторганизации; ж) получает выговоры за зажим критики; з) выходя за пределы своей кондитерской отрасли, отправляет в Москву родственникам машины, гружённые мясом, предназначенным для продажи; и) и... выходит сухим из воды.

С утра Георгий Матвеевич заседает в суде. Нацелившись в кого-нибудь из неугодных работников, он «подбирает материал», переписывает его начисто в обвинительных формулиров-

ках, затем держит речь перед судьёй и, утомлённый, покидает зал суда. Работник оправдан. Не теряя времени, он немедленно пишет «матернал» на следующего работника, начисто его переписывает в тех же обвинительных формулировках, затем долго заседает в суде и, изнурённый неравной борьбой, возвращается после поражения в контору заниматься очередными делами.

В конторе он отдаёт оперативные распоряжения штату. Одних он посылает копать картошку на своём огороде, других — возить вышевыкопанную картошку, третьих — возить на квартиру уголь, или переносить доски, или транспортировать (не возить, а транспортировать, потому что контора имеет автотранспорт) навоз на свой земельный массив, или возить (нет, транспортировать!) корм для коровы и свиньи.

Вечером он борется на собраниях. После собрания он несёт домой выговор, иногда с предупреждением. Вместе с выговором и предупреждением он относит из конторы домой пакеты от благодарных клиентов, с которыми у него существуют прочные деловые связи.

Коммунисты-кондитеры высказались было за то, что для дальнейшего развития кондитерской промышленности Сафронова надо снять с работы. Заводской райком партии тоже вынес крутое решение: надо снять!

В Москве, в Главном управлении кондитерской промышленности Министерства пищевой промышленности РСФСР, посвятили Г. М. Сафронову приказ № 148. Приказ начинён перцем. В обстоятельную мотивировочную часть включены и личные хозяйственные перевозки, и широкий размах благоустройства домашнего очага, и ловкое маневрирование рабочей силой в интересах вышеустроенного очага, и выплата любимой супруге денежного вознаграждения за «охрану» прирученной управляющим автомашины...

Увы! Заключительная часть приказа уже не содержит никаких острых пряностей. Управляющего попотчевали строгим выговором в сладком сиропе и ещё одним предупреждением, начинённым поистине сахарной предупредительностью главка.

М. ШУР.

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Товарищ Крокодил!

Я хочу рассказать тебе грустную историю о том, как мы вели переписку сами с собой.

В январе прошлого года мы послали Московской конторе Промбанка документы о списании задолженности с одного завода.

В конторе Промбанка наше извещение пролежало всего только год. Затем его направили «по принадлежности» Московскому городскому финансовому управлению, оттуда также «по принадлежности» переправили Новочеркасскому городскому финансовому отделу, а из отдела, не задумываясь долго, послали «по принадлежности» нам.

Вот так получилось, что мы вели переписку сами с собой... Приём бумага совершила большое путешествие, дело же не подвинулось нисколько.

СТРЕПЕТОВ,
управляющий Новочеркасским
отделением Промбанка
Новочеркасск.

Дорогой Крокодил!

Я, к сожалению, не умею рисовать и поэтому обращаюсь с просьбой к тебе. Может быть, кто-нибудь из твоих художников изобразит смешную картину: ночь, море, от причала Херсонского порта отходит пассажирский пароход без пассажиров. Что касается пассажиров, то они сидят у моря и ждут... когда откроется камера хранения. Правда, смешно?

Вот, собственно, и всё. Рисовать начальника Херсонского порта не надо: его деловой облик и так ясен.

Р. КАНДЕЛАКИ

Херсон.

Уважаемый Крокодил!

Обращаюсь к тебе за советом. В июне 1950 года мы получили из Днепропетровска автокран. Весь наш коллектив залюбовался новой, добротно сделан-

Директор Таллинского художественного института тов. Лехт счёл классические фигуры неприличными и отдал распоряжение дополнить их фигурными листками.

Рис. Л. САМОЙЛОВА (Таллин)

ЛАОКООН: — Скорей одевайтесь! Лехт идёт!

— Ума не приложу, отчего так много получается брака!
— Оттого и много брака, что ума не приложил!

ной машиной и... любуется до сих пор. Это — единственное, что можно с краном делать, так как работать на нём ни котлонадзор, ни автоинспекция не разрешают из-за отсутствия технической документации на него.

За истекшие восемь месяцев мы неоднократно обращались на Дне-

пропетровский завод с просьбой выслать нам документы. Однако пока всё попрежнему: кран есть, простой есть, убытки есть, только документов нет.

Как быть? Может быть, ты сдвинешь с мёртвой точки это дело, а заодно и кран?

КАТАЕВ

КРОКОДИЛ ПОМОГ

◆ В Крокодил поступило письмо о нарушениях Устава сельхозартели в колхозе Романовского района, Ростовской области.

Редакция направила письмо для проверки представителю Комитета по делам колхозов при правительстве СССР по Ростовской области.

Получен ответ, что факты подтвердились. За допущение нарушений Устава Ростовский обком ВКП(б) снял с работы первого секретаря райкома партии тов. Щербинина. Председатель Романовского райисполкома тов. Слесаренко снят с работы и исключён из партии.

◆ Тов. Ревин М. Н. написал в Крокодил о том, что в деревне Карловке, Сытовского сельсовета, Шингонского района, Куйбышевской области, нет ни клуба, ни избы-читальни.

Из Куйбышевского обкома ВКП(б) куда было направлено письмо тов. Ревина, получен ответ, что в настоящее время в Карловке организован красный уголок, выделена библиотека-передвижка, красный уголок обеспечен шашками, шахматами, газетами, журналами и художественной литературой.

◆ Крокодил направил воронежскому областному прокурору письмо о том, что райфинотдел Токайского района не даёт своевременно денег

для выдачи заработной платы рабочим и служащим.

Прокурор Воронежской области тов. Николаев сообщает, что при проверке письма факты подтвердились. Председатель Токайского райисполкома снят с работы.

◆ Молодые рабочие Сталинградского судоремонтного завода обратились в Крокодил с письмом, в котором просили помочь им организовать курсы шофёров. Письмо было направлено секретарю Краснодарского райкома ВКП(б). Меры приняты. Курсы шофёров при заводе открыты.

◆ Читатель Крокодила М. Ф. Чикалов писал о плохой работе Краснодарского районного отдела кинофикации Краснодарского края. При проверке факты подтвердились. За плохое кинообслуживание трудящихся начальник районного отдела кинофикации Хвостов снят с работы.

◆ В редакцию Крокодила поступила жалоба о неординах в технической библиотеке станции Владимир. Начальник политотдела Горьковской железной дороги подтвердил правильность фактов и сообщил редакции, что в настоящее время помещение отремонтировано, оборудование приведено в порядок, библиотека обеспечена топливом.

Главный редактор — Д. БЕЛЯЕВ. Редакционная коллегия: С. ШВЕЦОВ (зам. главного редактора), А. ВАСИЛЬЕВ, С. ВАСИЛЬЕВ, Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), С. НАРИНЬЯНИ, Б. ПРОРОКОВ, И. РЯБОВ.

Изд-во „Правда“. Адрес ред.: Москва, 47, ул. „Правды“, 24, тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Приём ежедневно с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 3 руб. 60 коп. в месяц.

Москва. Изд. № 99. Подписано к печати 12/II 1951 г. Статформат 72 × 105 см. Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000.

А — 01340.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

Заказ № 475. Тираж 300 000 экз.

АМЕРИКАНСКАЯ МОДА

— Мадам, рекомендую вам
сменить свой головной убор на
наш!

